

А. А. СКОРОПАДСКАЯ

Тема рая в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»

Христианская направленность творчества Бориса Пастернака не вызывает никаких сомнений. Наиболее сильно поэта волновали вопросы жизни и смерти, воскресения и бессмертия, и ответы на эти вопросы он попытался дать в романе «Доктор Живаго». Бессмертие возможно в творчестве. По точному наблюдению О. Седаковой, «существо творчества и артистического вдохновения, как об этом в стихах и прозе многократно и в разных словах говорит Пастернак, — это память об Эдеме, память особого рода: не ностальгическое воспоминание о навеки утраченном золотом веке, но память о рае как вечно действующей силе <...>. Творчество <...>, по Пастернаку, обладает силой очищения и возрождения, поскольку сама жизнь — уже воскресение из небытия»¹.

Представление о Рае есть практически во всех мировых религиях. Трудности и тяготы настоящего хочется оправдать будущим блаженством, пусть даже оно и наступит после смерти. Уже со времен греческих мифов существуют представления об Элизиуме и Аиде как двух полярных вариантах жизни после физического конца. Христианское мышление создает свои образы Рая и Ада, которые являют собой более оформленные и осмысленные реальности. И реальности они именно потому, что их можно описать словом. Исследователь Е. Рейн, рассматривая проблему отражения образов Рая и Ада в мировой литературе, приходит к следующим выводам: «...идея Ада и Рая не является личностным человеческим изобретением, она не прагматична, а онтологична. Она — следствие мысли о жизни как создании высшей силы, даровавшей ей свободу воли и свободу выбора. В этом смысле Ад и Рай — от-

ражение добра и зла, двух полюсов, между которыми и поместилось все плотское бытие»². Вся мировая литература в процессе своего развития, по мнению исследователя, отталкивается от этих понятий.

Истоки представлений о рае находим уже в фольклоре. Так, например, наиболее частый мотив волшебных сказок — поиск «иноного царства», которое называется *тридесатым, трехсотым*. Путь к нему сопряжен с рядом трудностей, возникающих на пути героя. Подробное описание возможных вариантов «иноного царства» дано в статье Е. Трубецкого «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке». «Иное царство» может восприниматься как страна вечной сытости и богатства, как вариант первой социальной утопии, где все равны в правах, как страна добра и красоты. Проанализировав все возможные модели «иноного царства», Е. Трубецкой приходит к выводу, что именно сказка стала одной из ступеней, через которую в народное сознание стало проникать христианство: «...сказка заключает в себе богатое мистическое откровение, ее подъем от житейского к чудесному, ее искание «иноного царства» представляет собою великую ценность духовной жизни и несомненную ступень в той лестнице, которая приводит народное сознание от язычества к христианству»³.

В христианской традиции Рай — это «сообщество избранников по блаженной вечной жизни, созерцающих Бога»⁴. Однако в Ветхом и Новом заветах понятие «рай» понимается по-разному. В Ветхом Завете «рай» — прежде всего сад, Эдем, который насадил Господь и в котором поселил первого человека. До своего грехопадения люди жили

в Раю в единении с Богом и в безгрешной открытости друг перед другом. После грехопадения они были изгнаны из Божьего сада. Ветхозаветные пророки стали переносить представления о доисторическом Рае, Эдеме, на конечные времена, когда земли Израилевы станут подобны Эдемскому саду.

В дохристианской апокалиптической литературе (эфиопская версия Книги Еноха и Книги Ездры, которые не включены в канонические священные тексты) местонахождением рая называется уже не сад, а город — новый Иерусалим. Важнейшая особенность рая, по мнению авторов дохристианских апокалипсисов, состоит в том, что именно в этом благословенном месте происходит прямое общение человека с Богом. Тождественность образов сада и города в сознании древнего человека проявляется на языковом уровне (например, славянское слово *град* означало и «город» и «огород, сад»), и это можно объяснить тем, что эти образы «эквивалентны как образы пространства «отовсюду огражденного» <...> и постольку умиротворенного, укрытого, упорядоченного и украшенного, обжитого и дружественного человеку — в противоположность «тьме внешней» (Матф. 22:13), лежащему за стенами хаосу»⁵. Кроме этого, связь города и сада заключается в том, что оба эти локуса — творения рук человека, символизирующие его стремление подчинить себе природу, быть равным в своем творении с Богом. Но если сад создается в процессе преобразования, искусственного улучшения природы, то в устройстве города человек пытается от природы отойти⁶.

Авторы Нового Завета стараются избежать слова «рай», поскольку за ним закрепились прочная ассоциация с плотскими радостями, а основное предназначение рая — близость к Богу — отодвигается на второй план. В Новом Завете рай является местом пребывания праведной души в период между смертью и воскресением.

После принятия Русью христианства в народное сознание стали проникать представ-

ления о рае, соединяющие в себе православные и языческие черты. По критическому наблюдению советского историка русской церкви М. Н. Никольского, «христианские представления о боге, рае и аде <...> преломились до неузнаваемости, пройдя сквозь призму славянской первобытной религии <...> Рай уже на небе, а не под землю; но чтобы туда попасть, не нужно никаких подвигов; достаточно взобраться до неба по лестнице, прорубить в нем дыру и пролезть туда, а райское блаженство заключается в том, что в раю стоят чудесные жернова — как повернутся, тут тебе каша да пироги»⁷. Народное сознание пытается максимально материалистично объяснить существование рая и описать его, поэтому наиболее частым в зарождающейся русской литературе становится мотив обретения рая. Рай мыслится реально существующим, но в отдаленных, труднодоступных землях. Желание материально представить рай приводит к тому, что в древнерусских письменных памятниках зачастую отождествляются рай и святая земля, Иерусалим. Особое внимание этому уделила М. В. Рождественская, которая в своей работе «Святая земля и Иерусалим как воплощение рая»⁸, исследуя древнерусские тексты, выявляет сходные мотивы в описаниях путешествия в Иерусалим и пути в рай. Во-первых, это мотив опасности, подстерегающей путника: разбойники, дикие звери, болезни. Вторая общая черта Святой земли и рая — их изобилие, богатство. В-третьих, древнерусская литература не мыслит путешествия в рай и Святую землю без чудесного помощника, проводника. Еще одной общей чертой является яркий небесный свет, сияние, ослепляющее смертного. Особый интерес для нас представляет и то, что Иерусалим и рай связаны между собой образом сада, который своим процветанием и плодоношением символизирует святость.

Теперь рассмотрим, каким образом тема рая раскрывается в «Докторе Живаго». Вторая книга романа описывает жизнь Юрия Живаго на Урале, куда семья Живаго решает переселиться после всех испытаний, выпав-

ших на ее долю в революционной Москве. Совет «посидеть на земле», с одной стороны, близок доктору, который планировал «испросить полоску под Москвой, развести огород», но с другой стороны, его настораживает неизвестность, которая ждет их в далеком уральском имении, куда собрались ехать его жена и тесть. Варькино представляется Живаго своего рода утопичным местом, а переезд туда — неосуществимым. Но тем не менее он подчиняется желанию близких и соглашается ехать. Как объясняет В. С. Баевский, «Юрий Андреевич несколько раз упорно стремился построить свой сперва скромный, потом все более бедный и, наконец, просто нищий идилический мир. Сначала в Москве с Тоней. Потом с Тоней же в Варькине. Потом в Варькине же с Ларой. Наконец, в Москве с Мариной»⁹.

Варькино в романе несет на себе черты некогда утраченного и вновь обретенного рая. При описании дороги к усадьбе подчеркивается единство всего сущего на земле: равнина «опирается» на возвышенность, а возвышенность, в свою очередь, «обносит оградой небо», трава озаряется «с земли», как бы питаясь ее светом. Небо и земля, лес и поле, трава и деревья соединились, составляя цельную картину бытия. Растения здесь подобны стражникам, охраняющим высокую ограду, отделяющую человека от райского сада. И доктору кажется, что он может одолеть эту стену...

Опираясь на цитированную выше статью М. В. Рождественской, выявившей на примере памятников древнерусской литературы основные мотивы при описании приближения к раю, мы видим, что многие из этих мотивов использованы Пастернаком при описании пути семьи Живаго к усадьбе Варькино.

1. *Мотив опасности.* Доктор и его родные едут через революционную, воюющую Россию. Путь их тяжел и долгод. Помимо опасностей, связанных с беспокойной обстановкой в стране (поезд часто останавливается из-за забастовок, засад, проходящих рядом боев), Живаго подстерегают опасно-

сти другого рода: голод, болезни (доктор только недавно переболел тифом и еще недостаточно окреп). Также возникают и природные препятствия (снегопад, горы, леса).

2. *Чудесный помощник, проводник.* Еще задолго до предполагаемой поездки Анна Ивановна рассказывает молодым Юре и Тоне о своем детстве в Варькине и упоминает о леснике Вакхе, образ которого окутан ореолом сказочности (по преданию, у него в драке отбили внутренности, и он сделал себе другие из железа). Именно Вакх (не тот, тезка) является проводником семьи Живаго от станции до усадьбы.

Помимо Вакха семье Живаго помогает Самдевятов, которого Антонина Александровна характеризует «всеведом-всезнайкой». Доктору фамилия Самдевятова навеивает мысли о русской старине. Самдевятов по профессии юрист, хорошо знает местность и практически всех жителей округи. Именно он всячески помогает Живаго и его семье, доставая все необходимое в трудные, голодные времена, он, словно волшебник, может достать что угодно и когда угодно. В делах житейских Живаго всегда может опираться на него. Таким образом, Вакх и (больше) Самдевятов предстают в качестве чудесных помощников доктора во время его пребывания на Урале. Их фигуры несут на себе ореол сказочности и былинности, отсылая нас к русскому фольклору.

3. *Небесный свет.* Путь от станции до усадьбы Варькино семья доктора проделывает на телеге по проселочной дороге, пролегающей через леса и поля. После долгого тревожного путешествия на поезде путники, наконец, счастливы и умиротворены. Весь путь к усадьбе проходит в предвечерние часы, при заходящем солнце. Вечерние лучи освещают дорогу на всем пути следования до усадьбы, но их свет освещает также и души путников, даря им радость, покой и надежду, приближая их к мечте.

4. *Изобилие, богатство.* Семья Живаго переезжает на Урал, чтобы избежать голода, царящего по всей России. В усадьбе они кор-

мятся тем, что дает им земля. Конечно, до райского изобилия еще очень далеко, но на общем фоне жизнь в усадьбе на Урале кажется зажиточной. Так, например, в день приезда Микулицыны потчуют своих неожиданных гостей настоящим чаем с сахаром, что по тем временам приравнивается к роскоши. Объясняя происхождение продуктов, Елена Прокловна говорит о «*скатерти-самобранке*», «знакомом современном деятеле», который им помогает, и читатель догадывается, о ком идет речь.

В дневнике доктор с гордостью перечисляет заготовленные на год запасы: мешки картошки, бочки соленых огурцов и капусты, морковь, свекла, редька, бобы. Грозящий призрак голода отступает далеко.

5. *Сад*. Усадьба окружена парком, на «задах господского дома» некогда был цветник, на месте которого Живаго разводит огород. Цветник — символ прошлого сада, он «остаточен», «стар», заброшен; огород, символ будущего сада, — более прозаическое явление, но огород приносит плоды: в первый же год семья собирает довольно богатый урожай. Огород становится локальным оформлением сада.

Но все оказывается не так просто, жесткая действительность врывается в размеренное существование доктора в усадьбе. Приведем в качестве дополнения одну из черновых записей, описывающую проживание семьи Живаго в Варькине: «Так в первый день их прибытия сразу же открылось это новое и в течение года длившееся и полное блаженства *существование, описанное на первых страницах Библии, с яблоками и змеями* и сельским и семейным обиходом, отрастающим прямо из *левого ребра*, належанного во время сна, с естественностью сновидения. Целый год, *вернув себе былую чистоту юношества* и превратив в роман свои внутрисемейные отношения, дышали они миром *Руссо, Кнута Гамсуна и А. Толстого*, и только зимою, которая прошла как пышно-белая, широко белым по черному написанная сказка, они стали вспоминать о городе...» (III, 596)¹⁰.

Пребывание семьи Живаго сравнивается здесь с пребыванием первых людей в раю¹¹. Пастернак напрямую отсылает читателя к первым страницам Библии. Но уже здесь звучат тревожные нотки: упоминание о яблоках и змеях предсказывает скорую утрату обретенного покоя. Отметим в этой картине характерное для Пастернака сочетание христианского и языческого: библейские образы соседствуют со сказочными. По мнению И. П. Смирнова, у Живаго «не вышло найти утопическое счастье, возделывая свой сад <...> Пребывание Живаго на Урале и в Зауралье завершается градацией героя»¹². Но такая рациональная точка зрения кажется недостаточно верной при анализе «одного из самых лирических произведений русской литературы», ведь в первую очередь «проза Пастернака — проза поэта, принадлежащего великой поэтической эпохе»¹³. Рациональный подход невозможен и потому, что не затрагивает духовную, и прежде всего религиозную, сторону жизни героя. Да, у Живаго не получилось создать свой сад, и в этом ему помешал враждебный внешний мир. После побега из партизанского плена Живаго опять возвращается в Варькино с Ларой и Доктор остается один, без поддержки близких. Он покидает усадьбу, отправившись в Москву. Но деградирует ли он? Нет, он все дальше отходит от суетного людского мира, погружаясь в одиночество, в «аскетическое сосредоточение». Результатом душевных исканий героя становится книга его стихов, которую кульминационно завершает стихотворение «Гефсиманский сад». В Гефсиманском саду принято божественное решение, найден путь в вечную жизнь. Ю. Бертнес считает, что «страх смерти преодолевается верой в вечную жизнь»¹⁴. Тема воскресения кульминационно звучит в последнем четверостишии:

«Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты».

¹ Седакова О. «Неудавшаяся епифания»: два христианских романа — «Идиот» и «Док-

тор Живаго» // *Континент*. 2002. №112. С. 384.

² Рейн Е. Рай и ад в мировой поэзии // *Вопросы литературы*. 2001. №3. С. 307.

³ Трубецкой Е. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // *Литературная учеба*. 1990. №2. С. 116.

⁴ *Христианство : словарь*. М., 1994. С. 388.

⁵ Аверинцев С. С. Рай // *Мифология. Большой энциклопедический словарь*. М., 1998. С. 463.

⁶ По наблюдению А. Ханзен-Лёве, мир города несет на себе как позитивную, так и негативную окраску: с одной стороны, его плановость, статичность представляют собой позитивную сторону оппозиции «искусственность города и искусства» / «органическое творение Бога, естественность». В то же время негативной составляющей города являются его холод, безразличие, одиночество, молчание, изоляция (Ханзен-Лёве А. *Русский символизм*. СПб., 2003. С. 299).

⁷ Никольский Н. М. *История русской церкви*. М., 1983. С. 27.

⁸ Рождественская М. В. Святая земля и Иерусалим как воплощение рая // *Антропология религиозности // Альманах «Канун»*. Вып. 4. С. 122.

⁹ Баевский В. С. Идеология этатизма как структурный элемент русского романа // *Филологические науки*. 2000. №6. С. 20.

¹⁰ Здесь и далее текст цитируется по изданию: Пастернак Б. *Собр. соч.* : в 5 т. М., 1989 — с указанием тома и страницы.

¹¹ Отсылки к первым страницам книги Бытия встречаются на протяжении романа и связываются прежде всего с именами Лары и доктора. Так, описываются прогулки Лары по лесной дороге, ведущей в Дуплянку: «На одно мгновение смысл существования опять открывался Ларе. Она тут, — постигала она, — для того, чтобы разобраться в сумасшедшей прелести земли и все назвать по имени...» (III, 77). Лара, подобно Еве, дает имена окружающим предметам и постигает смысл существования. Спустя годы, в «Платоновых диалогах», которые ведут друг с другом Живаго и Лара в Юрятине, она опять возвращается к образам первых людей: «Мы с тобой как два первых человека Адам и Ева, которым нечем было прикрыться в начале мира, и мы теперь так же раздеты и бездомны в конце его» (III, 397).

¹² Смирнов И. П. Роман тайн «Доктор Живаго». М., 1996. С. 125, 102.

¹³ Яacobсон Р. Заметки о прозе поэта Пастернака // Яacobсон Р. *Работы по поэтике*. М., 1987. С. 325.

¹⁴ Бертнес Ю. Христианская тема в романе Пастернака «Доктор Живаго» // *Проблемы исторической поэтики*. Вып. 3. *Евангельский текст в русской литературе XVIII — XX веков*. Петрозаводск, 1994. С. 373.

Из хроники научной жизни

29 января — 2 февраля 2008 г. Математический центр компьютерных технологий и моделирования МосГУ и Институт математического моделирования РАН провели пятое заседание Международного семинара «Математические модели и моделирование в лазерно-плазменных процессах». Участники семинара вели критический анализ математических моделей и результатов моделирования, полученных в последние годы в области сильно неравновесных лазерно-плазменных процессов, а также обсуждали результаты экспериментальных исследований, свидетельствующих о необходимости применения методов математического моделирования. В семинаре участвовали профессор В. И. Мажукин (председатель семинара), профессор С. В. Гарнов (заместитель председателя), академик РАН Ю. И. Журавлев, член-корреспондент РАН Б. Н. Четверушкин, член-корреспондент РАН В. И. Конов, другие российские и зарубежные ученые.